

Э. Л. Казакевич

РАБЫ КАК ФОРМА БОГАТСТВА В АФИНАХ

IV в. до н. э.

(По данным речей Демосфена)

Первое свидетельство того, что ряд греческих терминов, широко употреблявшихся в развитый классический период для обозначения рабов, представляет собой ряд не групповых терминов, а общих, можно усмотреть в том факте, что они достаточно часто чередуются, так что трудно уловить смысловой оттенок между ними. Если бы, например, *ἀνδράποδοι* был специальным термином, относящимся к рабам, эксплуатировавшимся в ремесле и в горном деле или даже во всех отраслях производства, а *οἰκέτης* — к домашним рабам, то было бы непостижимым употребление обоих терминов для обозначения одного и того же раба или группы рабов. А между тем, именно это и имеет место в рассматриваемом материале¹, причем не однажды, а в ряде случаев.

Более того, исторические обстоятельства, при которых эти термины возникли² и развивались, были не такими, чтобы вызвать появление узкоспециальной терминологии. За исключением некоторых ограничений, обусловленных полом, раб патриархального хозяйства мог быть направлен на любую работу, производственную или домашнюю. Специализация в рабском труде, развитие вполне определенных и исключительных профессий, не могла появиться до достижения техникой известного уровня. Самый социально-юридический институт рабства значительно древнее специализации рабского труда по различным профессиям (как в области домашнего обслуживания, так и производства). И, как показало предшествующее исследование термина *δοῦλος*, в сознании греков даже столь

¹ Основной материал, проанализированный для данного исследования, составляют первые пятьдесят девять речей Демосфеновского корпуса. Настоящая статья представляет собой продолжение исследования, опубликованного в ВДИ, 1956, № 3, стр. 119—136 («Термин *δοῦλος* и понятие „раб“ в Афинах IV в. до н. э.»).

² Приблизительной датой их возникновения представляется вероятным считать рубеж доклассического и классического периодов. Я. А. Ленцман, Об историческом месте гомеровского рабства (ВДИ, 1952, № 2, стр. 45, прим. 1), ссылаясь на приведенные Боллингом положения Вакернагеля (G. M. Bolling, *The Athetized lines of the Iliad*, Baltimore, 1944, стр. 105 сл.), пишет, что «выводы Вакернагеля подтверждают определение термина „андрапод“, данное в моей статье о древнегреческих терминах, обозначающих рабов». Однако, судя по пересказу Боллинга, Вакернагель касался лишь датировки термина, причем предполагал, что термин сначала появился в Аттике, очевидно, в V в. до н. э., откуда он распространился в Ионию, между тем как производное из него слово засвидетельствовано в кизикской надписи еще конца VI века (см. Я. А. Ленцман, О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, № 2, стр. 60).

позднего времени, как IV в. до н. э., когда эксплуатация рабского труда, как правило, имела место в любом более или менее значительном предприятии, раб был прежде всего социально-юридической категорией, предметом собственности, формой богатства.

В Афинах этого периода *δημιουργός* был обычно ремесленником, но он мог быть как рабом, так и свободным; то же самое относится и к различным более узким профессиональным терминам. С другой стороны, любой из общих терминов, употреблявшихся для обозначения рабов, всегда ассоциировался, прямо или косвенно, с определенными социальными отношениями, с определенным юридическим статусом. Когда кто-либо хотел указать на род деятельности, к которой был предназначен данный раб, то употреблял или добавлял пояснительные определения, как, например, *ἀγοραστής*, *ἀκόλουθος*, *κλινοποιός* и др., или более общего характера — *διάκονος* (для домашнего обслуживания), или *δημιουργός*. Иначе говоря, понятие «раб» было связано в первую очередь не с понятием «трудящийся» или «производитель», а в основном с понятием «собственность». То, что оно далее связывалось также с антонимом «свободный» (*ἐλεύθερος*) или «хозяин» (*δеспότης*), несколько не приближает нас к понятию «трудящийся». Ибо свободный афинянин времени Демосфена мог сам быть трудящимся независимо от того, был он при этом владельцем рабов или нет.

Тем не менее, в недавние годы было выдвинуто предположение, которое до сих пор не подвергалось критике в советской научной литературе, а именно, что два из наиболее распространенных в греческих документах IV в. терминов — *ἀνδράποδον* и *οἰκέτης* — были групповыми, причем первый обозначал прежде всего рабов, занятых в ремесле и горном деле, а второй — рабов-домашних слуг³.

Предположение Я. А. Ленцмана весьма смело и интересно, вполне заслуживает труда, связанного с той проверкой его гипотезы источниками, на необходимость которой указывал сам автор⁴.

В настоящей статье выдвинуто иное предположение о значении терминов *ἀνδράποδον* и *οἰκέτης*. Вместе с тем, что касается *ἀνδράποδον*, гипотеза Я. А. Ленцмана, на мой взгляд, верна в одном очень важном отношении: несомненно существует органическая связь между установлением эксплуатации рабского труда в классический период, т. е. появлением того, кого Я. А. Ленцман называет «античным рабом»⁵, и одновременным возникновением и широким распространением термина *ἀνδράποδον*. Однако детальное рассмотрение применения данного слова в литературных текстах развитого классического периода убедило меня в том, что связь эта не прямая, а косвенная. Но если следующие ниже доводы во многом исходят из критики работы Я. А. Ленцмана, то в еще большей степени они обязаны этой работе, в которой впервые в нашей литературе был серьезно поставлен вопрос о многообразии древнегреческих терминов, обозначающих рабов. И этот вклад остается очень ценным, независимо от того, кто из нас нашел правильное решение данной проблемы.

³ Ленцман, О древнегреческих терминах . . . , стр. 52 слл. (*οἰκέτης*), 56 (*οἰκέτης* и *ἀνδράποδον*), 59 слл. (*ἀνδράποδον*). На стр. 59 слл., правда, автор несколько раз указывает на «андраподы» как на «вид имущества», на «инвентарный» характер контекстов, при которых встречается этот термин. Однако эта сторона, которая мне представляется главной в семантических ассоциациях слова *ἀνδράποδον* в Афинах IV века, для Я. А. Ленцмана, очевидно, подчинялась его пониманию термина (в документах того же времени) — как обозначению рабов, занятых именно на производстве. См. Ленцман, О древнегреческих терминах . . . , стр. 65, и Казакевич, ВДИ, 1956, № 3, стр. 120, прим. 4.

⁴ ВДИ, 1951, № 2, стр. 69.

⁵ ВДИ, 1951, № 2, стр. 62.

* * *

Наблюдение над распределением наиболее часто встречающихся терминов в различных категориях речей, входящих в Демосфеновский корпус, сразу наводит на мысль о том, что термин ἀνδράποδον имеет некоторый специфический смысл. 58 случаев употребления термина δοῦλος в его основном значении «раб»⁶ довольно равномерно распределены по всему корпусу. Неудивительно, в виду классифицирующего значения этого термина, что почти половина указанных случаев встречается в политических речах. Со словом οἰκέτης дело обстоит несколько иначе. Почти 85% случаев (44 из общего числа 53) употребления этого термина в корпусе падают на частные речи различного содержания⁷, в которых этот термин, однако, встречается довольно равномерно. Перевес в сторону речей, относящихся к частным делам, позволяет предполагать, что термин οἰκέτης применялся в более конкретном, чем δοῦλος, смысле. В общее число случаев употребления термина ἀνδράποδον (52 примера) включены 8 случаев применения родственных слов (ἀνδραποδίζω, ἐξανδραποδίζω, ἀνδραποδισμός и ἀνδραποδιστής)⁸. В политических речах обнаруживается несколько более высокая пропорция, чем с термином οἰκέτης (12 из общего числа 52 случаев применения термина ἀνδράποδον и его когнатов)⁹. Но этот относительный перевес значительно сокращается тем обстоятельством, что в шести из 12 примеров употреблены когнаты термина, т. е. упоминания их относятся, собственно говоря, скорее к акту порабощения, чем к рабам. В частных речах термин встречается всего 40 раз, включая два случая употребления ἐξανδραποδίζω. Здесь распределение коренным образом отличается от имевшего место в случаях с δοῦλος и οἰκέτης: в 31 отдельном случае (три четверти общей цифры в частных речах) ἀνδράποδον появляется в речах, затрагивающих главным образом споры относительно имущества¹⁰. Эта заметная концентрация термина ἀνδράποδον в контек-

⁶ См. ВДИ, 1956, № 3, стр. 121 сл.

⁷ 33 частные речи Демосфеновского корпуса можно грубо разделить на три группы: 1) те, в которых непосредственным объектом судебного спора является имущество (XXVII—XXXI, XXXVI, XXXVIII, XL, XLI, XLV, XLVI, XLVIII, LIII, LV); 2) те, в которых формальной причиной для возбуждения тяжбы служил спор о коммерческих контрактах или ссудах (XXXII—XXXV, XXXVII, XLIX, LII, LVI); 3) остальные одиннадцать речей, представляющих собой смешанную группу, в которую входят такие дела, как споры о гражданских правах (LVII), о родстве (XLIII, XLIV), об оскорблении действием (LIV) и т. д. При этом нужно отметить, что речь XXXVII по ее фактическому содержанию можно было бы включить и в первую группу.

⁸ Слова эти, разумеется, не могут считаться прямыми обозначениями рабов. Но, поскольку они (подобно самому термину ἀνδράποδον) всегда употребляются конкретно в значении продажи в рабство, низведения в действительно рабское состояние (в противовес, например, καταδουλοῦμαι, имеющему всегда в речах Демосфена производный политический смысл «привожу к положению, эквивалентному рабству»), или применительно к лицу, которое похищает в целях работорговли (ἀνδραποδιστής), я решила включить их всех в общее число случаев употребления термина ἀνδράποδον. Соответственно, должна быть исправлена цифра, указанная в моей первой статье (ВДИ, 1956, № 3, стр. 120, прим. 5). Места, в которых встречаются эти слова: ἀνδραποδισμός — I, 5, XIX, 65; ἀνδραποδίζω — III, 20, XIX, 325; ἐξανδραποδίζω — XII, 3, L, 4, LIX, 103; ἀνδραποδιστής — IV, 47.

⁹ К перечисленным в предшествующем примечании отрывкам из политических речей можно добавить: IX, 31, XVIII, 213, XXI, 48, XXII, 55, 68, XXIV, 167 — во всех этих местах употреблен сам термин ἀνδράποδον. (Следует отметить, что XXII, 55 и XXIV, 167 почти идентичны в словоупотреблении.)

¹⁰ XXVII, 6, 13, 16, 18, 19, 20, 25 (bis), 27 (bis), 31, 35, 48, 61, XXVIII, 8, 12, XXIX, 3, 37, XXXVIII, 7, XLV, 73, XLVIII, 12 (bis), LIII, 1, 2, 10, 14, 19, 22 (bis), 23, 27. Для ἐξανδραποδίζω см. выше, прим. 8. Остальные примеры употребления термина вне группы речей, касающихся тяжб об имуществе: XXXVII, 4, 5, 9, 12, 21 (см. выше, прим. 7), XLVII, 64, 65.

стах со спором об имуществе намекает на еще более специфическое применение этого термина, чем οἰκέτης.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что ввиду характера материала анализ распределения может принести только очень ограниченную пользу. Во-первых, общие числа слишком малы, что открывает широкий доступ элементу случайности. Во-вторых, в ряде случаев термин представлен много раз в одной речи в применении к одной и той же личности или группе лиц, что делает частоту его употребления менее значимой. В-третьих, особенно частое нахождение данного термина в данной группе речей дает возможность лишь предполагать, что тут может иметь место какая-то связь между значением термина и его распределением. В конце концов, нет, разумеется, иного пути к определению значения, кроме как через анализ контекстов, в которых термин встречается.

Одной из богатейших речей Демосфеновского корпуса с точки зрения изучения терминологии, обозначающей рабов, является XLVII речь против Эверга и Мнесибула. В одной этой речи мы находим термины οἰκέτης, ἀνδράποδον, θέρπων, -αινα и διάκονος, а также и слова παῖς, ἄνθρωπος и ὑπηρετής¹¹ в применении к рабам. Вместе с тем эта речь дает живую картину, своего рода эскиз с натуры, изображающей материальную среду и жизненный уклад сравнительно состоятельного афинского рабовладельца середины IV в. до н. э.¹² Не меньший интерес, опять-таки с точки зрения терминологии, она представляет благодаря тому, что рабы, упоминаемые в ней, главным образом составляют часть сельского инвентаря собственности данного рабовладельца. Для более узких целей данной статьи XLVII речь содержит ценные показания как об общем диапазоне, так и специфических оттенках в значении терминов οἰκέτης и ἀνδράποδον.

Кроме рабов, истцу в данном деле (имя истца не приведено) принадлежит участок земли «рядом с ипподромом» с садом и домом, а также 50 тонкорунных овец, которые пасутся поблизости (XLVII, 52 сл.). В результате состоявшегося ранее судебного процесса истец должен был уплатить некоему Феофему крупную сумму денег (около двух талантов — § 64) в качестве штрафа. Так как уплата этой суммы задерживалась, то Феофем с двумя родственниками отправился на участок истца, захватил его овец вместе с пастухом, а также домашнего раба-слугу (παῖς διάκονος)¹³, которого они встретили по дороге (он вышел, чтобы вернуть одолженный хозяином кувшин). Затем, войдя на участок (χωρίον), они пытались захватить обнаруженных там рабов (οἰκέται), которым, однако, удалось ускользнуть, разбежавшись в разные стороны (при этом они не вбегают в дом, что следует отметить). Затем Феофем с родственниками пересекает сад (κῆπος) и входит в дом, где он выбирает и уносит с собой попавшуюся им на глаза утварь (σκεύη — § 52 сл.), несмотря на возражения жены истца, которая указывает ему, что стоимость уже захваченного им, а именно овец, «мальчика» и пастуха (τὸν παῖδα καὶ τὸν ποιμένα), превышает ту сумму, которая причитается с ее мужа (§ 57).

Изложение отличается ясностью и последовательностью и не вызывает сомнения, что единственными захваченными рабами были пастух и παῖς

¹¹ В данном исследовании три последних слова были исключены из списка терминов, в строгом смысле слова обозначающих рабов в речах Демосфена, ввиду того, что по существу их применение к рабам является переносным. Слово παῖς, например, употребляется в Демосфеновском корпусе 228 раз, но только 36 раз для обозначения рабов.

¹² Речь относится, по Блассу, приблизительно к 353 г. до н. э. См. F. B l a s s, Die attische Beredsamkeit, III, Lpz, 1877, стр. 485.

¹³ Заслуживает внимания то, что в качестве ценностей и пастух и слуга играют относительно незначительную роль. Оратор делает упор скорее на потерю скота и посуды: «Феофем... захватил мои 50 тонкорунных овец и вместе с ними пастуха... затем раба-слугу, носившего бронзовую гидрию... весьма ценную».

διάκονος. Поэтому мы имеем точное представление о содержании терминов в других местах, где опять упоминается имущество, захваченное при изложенных выше обстоятельствах. Речь идет о § 64 сл., где данное имущество дважды упоминается в словах: τὰ τε πρόβατα καὶ τὰ ἀνδράποδα καὶ τὰ σκεύη, и § 76 (ср. § 81), где говорится об этом же имуществе, но здесь вместо τὰ ἀνδράποδα стоит οἱ οἰκέται: — τὰ τε σκεύη καὶ τοὺς οἰκέτας καὶ τὰ πρόβατα. Не подлежит сомнению, что рабы, называемые попеременно то ἀνδράποδα, то οἰκέται, являлись домашним слугой и пастухом.

Совершенно очевидно, что истец, говоря об одних и тех же рабах, бессознательно употребляет различную терминологию. Но из этого не следует, что между обоими терминами, ἀνδράποδος и οἰκέτης, уже не ощущалось различия в оттенках. Как мне представляется, это более тонкое отличие можно уловить и в самом контексте речи истца. В том случае, когда употребляется термин ἀνδράποδος, захваченное имущество более выпукло сопоставляется с суммой денежного штрафа, чем в случаях применения слова οἰκέτης, где контекст подчеркивает грубое поведение захватчиков. Это, надо признать, весьма тонкое отличие, о котором не стоило бы даже и упоминать, если бы оно не подкреплялось словоупотреблением в других речах корпуса.

Рассмотренные тексты будет очень трудно истолковать, если исходить из того, что 1) термин ἀνδράποδος в классический период обозначал категорию рабов, занятых в ремесле или в горном деле, 2) что термин οἰκέτης обозначал только рабов — домашних слуг, или если полагать, что 3) тот или другой из этих терминов был вообще узкоспециальным, обозначавшим рабов определенного типа занятий. Ибо оба термина употреблены в отношении двух рабов, из которых один был занят в животноводческой отрасли сельского хозяйства¹⁴, а другой — в домашнем услужении. С другой стороны, эти отрывки намекают, хотя и гораздо менее определенно, также и на то, что афинский рабовладелец IV в. употреблял тот или другой из этих терминов не совсем произвольно.

Для того чтобы более четко показать особые ассоциации, вызывавшиеся в тот период термином ἀνδράποδος, необходимо рассмотреть разные виды контекстов, в которых это слово встречается.

* * *

В поддержку положения о том, что ἀνδράποδος групповой термин для рабов, занятых в ремесле и в горном деле, было замечено, что тексты обнаруживают тесную и даже в некотором роде необходимую связь между этим термином и такими словами, как ἐργάζομαι, ἐργαστήρον¹⁵. Правда, греческие слова, образованные от корня ἐργ-, часто связывались с идеей

¹⁴ В другом месте той же речи (§ 53, см. выше) термин οἰκέτης применяется по отношению к рабам, находившимся вне дома, на участке, и слова оратора позволяют полагать, что и эти люди были сельскохозяйственными рабочими. В других литературных документах IV в. можно более точно отождествить рабов, обозначаемых термином οἰκέτης, с полевыми работниками. См. Isocr., VI, 88, 96 (об илотах); Pl., Leg., 760E; Xen., Oec., XIV, 4,6; ср. VII, 35. Для конца V в. ср. Thuc., III, 73; для начала III в. ср. Men., Frag. 642 K; τὸ γὰρ γεωργεῖν ἔργον ἐστὶν οἰκέτου.

¹⁵ См. Ленцман, О древнегреческих терминах..., стр. 65: «Все же ἀνδράποδος... в последующее время употребляется исключительно в смысле instrumentum vocale. Это особенно ярко проявляется в тех случаях, [когда] слово „андрапод“ употребляется в связи с эргастериями»; там же, стр. 66, говоря о §§ 1—2 речи Гиперида в защиту Ликофрона: «...андраподы ἐν τοῖς ἔργοις — это несомненно рабы, занятые в ремесленном производстве» (на самом деле здесь речь идет скорее о рудниках); там же, стр. 56: «В классическую эпоху в Афинах в связи с глаголом ἐργάζομαι, несомненно, было бы поставлено слово ἀνδράποδος» (вместо слова οἰκέτης в Hurelid., с. Athenog., 22).

ручного труда (хотя и далеко не всегда)¹⁶; верно и то, что в текстах IV в. рабы, связанные с эргастериями или определяемые как ремесленники, часто (но опять-таки не всегда) обозначались термином *ἀνδράποδοι*. Однако при исследовании контекстов этого рода (в рассматриваемых документах они представляют большинство примеров употребления термина) становится все яснее, что применение именно этого термина зависит не от рода деятельности раба, а от его свойства представлять стоимость, от того, что он являлся формой богатства.

В первых из так называемых опекунских речей Демосфена (XXVII—XXXI)¹⁷ оратор описывает с некоторыми подробностями имущество, оставленное его отцом (XXVII, 9—11). В «активную» (*τὰ ἐνεργά* — § 7, 10) часть этого имущества входили, кроме денег, отданных в рост, два эргастерия, состоявшие из 32 или 33 ножовщиков и 20 мебельщиков, изготовлявших кровати. В применении к этим ремесленникам в одной только первой речи против Афоба термин *ἀνδράποδοι* употребляется 14 раз.

Однако эти ремесленники обозначаются также и другими словами, «люди» (*οἱ ἄνθρωποι*), «ремесленники» (*οἱ δημιουργοί*) и профессиональными терминами (*μαχαίροποιοί* и *κλινοποιοί*). Сравнение контекстов, в которых эти различные слова употреблены по адресу рабов, дает в руки более верный ключ к семантическим ассоциациям термина *ἀνδράποδοι*, чем тот, который мог быть получен из рассмотренной выше речи против Эверга и Мнесибула.

Термин впервые появляется в XXVII, 6. Демосфен говорит, что после управления имуществом его отца в течение десяти лет опекуны вернули это имущество значительно обесцененным: «ограбив нас во всем остальном, они вернули нам дом¹⁸, а также четырнадцать рабов (*ἀνδράποδα*) и 30 мин

¹⁶ Слово *ἐργαστήριον*, правда, очень часто обозначает или помещение (но не обязательно отдельное от ойки рабовладельца) для какого-нибудь производства, т. е. «мастерскую» в полном смысле слова, или же сам коллектив производителей (например, в Dem., XXVII, 9 особ. § 18). Но это слово употреблялось также применительно к лавкам розничной торговли, с которыми мастерские могли быть, но не обязательно всегда были связаны: См. L.-S.-J. s. v.; Dem., XXV, 52; Hyperid., c. Athenog., 6, 10; Aeschin., I, 124; M. I. Finley, *Studies in Land and Credit in Ancient Athens*, 500—200 B. C. The «Heros»-Inscriptions, New Brunswick, N. J., 1952, стр. 65, слл. Что касается глагола *ἐργάζομαι*, то он далеко не всегда обозначал физический труд, не говоря уже о труде ремесленника. Чтобы убедиться в этом, можно посмотреть хотя бы, например, Dem., LIX, 32, 41 (где речь идет о деятельности гетеры Неэры). Вообще можно сказать, что как *ἐργασία*, так и *ἐργάζομαι* обыкновенно обозначали занятие, приносящее доход, средства к жизни, иногда же и прибыль (см., например, XXXVI, 44).

¹⁷ Подлинность третьей речи против Афоба (XXIX) оспаривается современными исследователями. См. A. Schaefer, *Demosthenes und seine Zeit*, III B, Lpz, 1858; W. Schwahn, *Demosthenes gegen Aphobos. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Wirtschaft*, Lpz, B., 1929; G. M. Calhoun, *A Problem of Authenticity (Demosthenes 29)*, TAPA, LXV (1934), стр. 80—102; Finley, ук. соч., стр. 234 сл., прим. 10, стр. 256 сл., прим. 89. Основания для сомнения в авторстве Демосфена, в основном, однако, заключаются не в особенностях языка (см. Vlass, ук. соч., III, стр. 205 слл., который считает речь подлинной, как это делает G. M. Calhoun, чья работа, к сожалению, осталась мне недоступной), и я не вижу в социальной терминологии ничего такого, что помешало бы отнести эту речь к IV в., независимо от того, принадлежит ли она перу Демосфена. Полный перечень отрывков в XXVII—XXIX, содержащих термин *ἀνδράποδοι*, см. выше, прим. 10.

¹⁸ В XXVII, 10 указана стоимость дома в 30 мин. Однако, упоминая имущество, возвращенное ему опекунами — дом, четырнадцать рабов, 30 мин наличными, — оратор постоянно определяет его стоимость равной 70 минам или менее (XXVII, 6, 8, 59, XXVIII, 11, 16). Сумма эта явно слишком мала, чтобы включать в себя стоимость дома, рабов и денег, даже если принять в расчет то, что рабы стали десятью годами старше и что включенные в их число ремесленники (см. след. прим.) были из наименее ценных ножовщиков (ибо согласно обвинениям Демосфена, наиболее ценные рабы были проданы опекунам, см. XXVII, 61, ср. § 13, 18). Поскольку дом не был никогда присвоен Афобом (в том смысле, в каком приданое и другие части имущества были взяты им,

деньгами, общей стоимостью всего этого (на сумму) около 70 мин». Если не все, то некоторые из этих рабов, следует полагать, составляли сократившийся эргастерий ножовщиков¹⁹. В соответствии с условиями завещания отца, как говорит Демосфен (§ 5), Афоб должен был жить в доме, жениться на вдове и получить в качестве ее приданого 80 мин. Он немедленно приступил к исполнению всего, кроме второго из этих положений, поселившись в доме и овладев всеми личными ценностями, принадлежавшими матери Демосфена на сумму 50 мин. Остальные 30 мин приданого он извлек из выручки от продажи половины ножовщиков (τῶν ἀνδραπόδων τῶν πιπρασκομένων — § 13). Демосфен жалуется на то, что опекуны продали наиболее ценных из этих рабов, употребляя и в данном случае опять термин ἀνδραπόδων — τὰ πλείστου ἄξια τῶν ἀνδραπόδων²⁰.

Афоб объяснил отсутствие дохода, произведенного оставшимися ножовщиками в течение его двухлетнего управления этим эргастерием, тем, что ремесленники сидели без дела. Однако, говорит оратор, собственные отчеты Афоба указывают на расходы «не на содержание людей, а на работу — слоновую кость, ножные рукоятки, и другой материал, необходимый в ремесле, как если бы ремесленники работали» — οὐκ εἰς σιτία τοῖς ἀνθρώποις, ἀλλ' εἰς ἔργα, . . . ὡς ἐργαζομένων τῶν δημιουργῶν (§ 20). Следующая фраза выводит нас из мастерской обратно в царство стоимости: более того, Афоб включил в свой отчет о расходах «арендную плату Фериппиду за трех рабов в моем эргастерии, принадлежащих ему» — τριῶν ἀνδραπόδων . . . μισθὸν ἀποδεδωμένα.

О двадцати мебельщиках мы слышим, что опекуны, эксплуатировавшие этих людей в течение десяти лет (§ 26: καρπωσάμενοι δὲκ' ἔτη τοὺς ἀνθρώπους; ср. LIX, 19), теперь «скрывают существование» всего эргастерия. Вместо того, чтобы привести отчет о продукции этих ремесленников, они приводят цифру общих расходов на них почти в 1000 драхм; и тут эти люди обозначены словом ἀνθρώπος (§ 24 сл.). В следующей фразе Демосфен говорит о первоначальном закладе этих людей его отцу, и здесь употреблен термин ἀνδραπόδων. Термин опять появляется дважды в связи с ссудами, залогом которых служили эти кроватчики (§ 27; ср. XXVIII, 12; XXIX, 37).

Демосфен утверждает, что его отец оставил в доме большое количество слоновой кости и железа, о которых опекуны не представили никакого отчета. Его аргументация строится как на свидетельском показании, так и на вероятности предположений. В аргументах о «вероятности» (§ 30 сл.) он рассматривает, в первую очередь, технические потребности — какое именно сырье нужно для производства в данных видах ремесла; ремесленники тут названы соответственно своему ремеслу: «невозможно, чтобы человек, владеющий таким числом кроватчиков и таким числом ножовщиков, не оставил как железа, так и слоновой

как одним из опекунов), а был только использован им для жилья (см. XXVII, 46; ср. § 5), возможно, что оратор не включал на этом основании стоимость дома в общую сумму стоимости возвращенного ему имущества. Стоимость дома упоминается еще раз, но только косвенно — XXVIII, 17, ср. XXI, 80.

¹⁹ Поскольку Демосфен говорит в других местах о продаже опекунам половины этого эргастерия, не упоминая нигде другого уменьшения в числе рабов, мы могли скорее ожидать, что количество возвращенных будет значительно больше, по крайней мере — шестнадцать. С другой стороны, некоторые из рабов могли умереть в течение десятилетнего управления опекунов. Вполне возможно, действительно, что в четырнадцать ἀνδραπόδα, возвращенных опекунами, входили и домашние рабы, например, θερίταινι, о которых сказано, что Афоб «забрал» их вместе с приданным матери Демосфена (XXVII, 46), и которые снова появляются во владении Демосфена — XXIX, 25, 56 (если только это те же рабыни, и если эта речь может быть принята за подлинную, см. выше, прим. 17).

²⁰ XXVII, 61; ср. 13, 16, 18, 48.

кости; в самом деле, такого рода запас непременно должен был быть сделан, ибо над чем бы они работали, если бы этот материал не был заготовлен?». Затем, когда внимание переносится на большую сумму денег, которая должна была быть истрачена на сырье для столь крупного предприятия, появляется термин ἀνδράποδον: «хотя он имел более пятидесяти рабов (ἀνδράποδα) и руководил двумя ремеслами», которые ежемесячно легко могли вместе потребить железо и слоновую кость стоимостью более 4 мин, опекуны отрицают наличие чего-либо из этого в доме.

О рассмотренных до сих пор отрывках можно сказать, что они обнаруживают тенденцию оратора употреблять термин ἀνδράποδον в таких контекстах, где о рабах говорится как о составных частях стоимости имущества его отца (то, что Я. А. Ленцман называет «инвентарным» контекстом²¹), или где они упоминаются в качестве залога ссуд (т. е. как замена стоимости), или там, где рабы играют роль предметов купли-продажи или аренды. Другими словами, в тех случаях, где доминирует их свойство обмениваться на деньги, их товарная сущность. К этому списку можно добавить отрывок из XXVII, 35, в котором Демосфен говорит о части имущества своего отца, которая, по признанию опекунов, была им присвоена и в которую входили 77 мин, представлявших «доход с рабов» — ἡ πρόσθετος ἢ ἀπὸ τῶν ἀνδράποδων (ср. § 61). Демосфен высоко ставил именно это созидательное свойство стоимости рабов, что дало основание ему классифицировать их как часть «активного» имущества. В данной речи он упоминает рабов как источник дохода не менее двенадцати раз²².

В третьей речи против Афоба унаследованное Демосфеном имущество играет только второстепенную роль. Процесс об опекунстве против Афоба был выигран, ущерб в 10 талантов должен был быть возмещен Демосфену. Теперь Афоб, возбудив дело о лжесвидетельстве против одного из свидетелей в этом процессе, стремится дискредитировать свидетельское основание победы Демосфена, очевидно, в расчете на пересмотр всего дела в целом. В первой части XXIX речи аргументация зависит от оспариваемого обеими сторонами вопроса о юридическом статусе одного человека, Милиаса, которому было поручено управление эргастерием ножовщиков в течение двух лет, когда эргастерий был в ведении Афоба (XXVII, 19). Афоб требовал, чтобы Милиас был допрошен под пыткой (βασιανίζειν); Демосфен же утверждал, что Милиас не может быть допрошен под пыткой, так как он, будучи отпущен на волю Демосфеном-отцом, не являлся рабом (т. е. он не δοῦλος, а ἐλεύθερος — см. XXIX, 25). В этом споре термин δοῦλος играет типичную для него «определяющую» роль, обозначая не столько самого раба, сколько состояние рабства²³.

Термин ἀνδράποδον появляется в этой речи дважды, один раз применительно к мебельщикам²⁴, другой — к рабам, занятие которых не мо-

²¹ Ленцман, О древнегреческих терминах..., стр. 66. Это наблюдение Я. А. Ленцмана вполне обосновано и полезно. Однако в «инвентари» могли включаться рабы любых профессий.

²² См. XXVII, 9, 24, 26, 28, 29, 35, 61 (ср. § 19 слл.) — доход от людей; XXVII, 18, 21, 23, 36, 47 (ср. XXVIII, 12) — доход от эргастериев. Поскольку в опекунских речах последнее слово регулярно употребляется в значении совокупности ремесленников при отсутствии отдельного помещения для работы и, очевидно, сколько-нибудь ценного оборудования, выражение «доход от эргастерия» я полагаю равнозначным «доходу от людей». См. выше, прим. 16.

²³ См. § 14, 20, 25, 39. Во всех этих местах, кроме третьего, термин противопоставляется своей основной антитезе: ἐλεύθερος (см. ВДИ, 1956, № 3, стр. 122 сл.).

²⁴ XXIX, 37. Мебельщики также дважды упоминаются прямо, как κλινοποιοί, которых Афоб «сделал невидимыми» (§ 37, ср. 35). Это, очевидно, означало, что он рас-

жет быть твердо установлено. С другой стороны, рабы, которые с некоторой уверенностью могут быть отождествлены с возвращенными мебельщиками, названы οἰκέται.

В XXIX, 3 оратор говорит, что когда Афоб был осужден за обманное управление имуществом, он немедленно принял меры к тому, чтобы свое имущество, подлежащее теперь передаче Демосфену, сделать недоступным этому последнему. Часть недвижимости была распределена между родственниками, и «из дома он забрал обстановку (τὰ σκεῦη λαβών) и рабов (τῶνδράκων ἐξαγαγών), разбил цистерну и снял дверные наличники, — разве только что не сжег дом...»²⁵. Возможно, но маловероятно²⁶, что этими рабами были исчезнувшие мебельщики. Скорее, однако, это был полный комплект рабов²⁷ из хозяйства Афоба — домашние слуги, конторщики, возможно также ремесленники, каждый из которых представлял для Демосфена определенную, могущую быть реализованной стоимость.

В XXIX, 35 слл. оратор утверждает, что показание Милиаса, даже если он будет передан для пыток, как того требует Афоб, не сможет опровергнуть обвинений в мошенническом управлении имуществом, уже доказанных множеством других свидетельств. В частности, относительно слоновой кости и железа, оставленных в доме Демосфеном старшим, он говорит следующее: «что касается слоновой кости и железа, я утверждаю, что все рабы (οἰκέτας) знали, что Афоб продавал (это сырье), и я и тогда, и теперь готов представить ему любого из них, кого он пожелает, для допроса под пыткой» (§ 38). Под «всеми рабами» можно, конечно, понимать любого из рабов в доме, но логично предположить, что оратор подразумевал ремесленников, обрабатывавших это самое сырье, некоторые из которых должны были оказаться среди рабов, возвращенных Демосфену опекунами (см. выше, прим. 18, 19).

В сходном контексте использовано слово οἰκέτης в XXX, 23, где рабам Онетора приписывается участие в переброске в дом Афоба приданого стоимостью в 1 талант (§ 20), который, согласно утверждению Демосфена, никогда не был выплачен. Довод следующий: Онетор говорит, что приданое было выплачено в рассрочку без свидетелей; он говорит это, потому что он знает, что если бы он сказал, что приданое было выплачено все сразу, то был бы уличен во лжи, ибо я потребовал бы тогда, чтобы он предъявил (для пытки) рабов, перенесших это

полагал ими таким образом, что они могли не найти отражения в опекунских отчетах об управлении имуществом. То же выражение употреблено для описания судьбы мебельщиков в двух предыдущих речах.

²⁵ Т. е. он унес из дома все ценные предметы, которые могли быть сняты с места. Ср. XXX, 28. Ценности, которую представляли для древних дверные наличники (θυρώματα) и подобные деревянные части домов, ср. Thuc., II, 14, 1. III, 68, 3; Hell. Оху., XII, 4 сл.; Dem., XXI, 167; J. Kent, The Temple Estates of Delos, Rheneia and Mykonos, «Hesperia», XVII (1948), стр. 293.

²⁶ Афобу приписывается «присвоение» мебельщиков (XXVII, 26, 27, 48; XXVIII, 12; XXIX, 37). Однако контексты этих отрывков скорее указывают просто на эксплуатацию их в своих собственных интересах, чем на непременный физический их увод в дом Афоба. Более того, Демосфен подчеркивает (особ. в XXVII, 25) бесследное исчезновение этих ремесленников. Если бы он знал, что рабы, увезенные теперь Афобом из его дома, были те же самые мебельщики, он бы об этом непременно упомянул. Это рассуждение, конечно, излишне, если считать эту речь поддельной (см. выше, прим. 17), но в таком случае еще меньше оснований полагать, что упомянутые в XXIX, 3 ἀνδράκων были ремесленниками.

²⁷ За исключением, надо полагать, одного раба (οἰκέτης), упомянутого в следующей речи (XXX, 27), которого Демосфен взял из имущества Афоба (ἐκ τῶν Αφῶβου), когда последний получил отсрочку в исполнении судебного решения против него в деле об опекунстве. Этого раба Демосфен предложил для допроса под пыткой, как «знающего все» об отношениях Афоба с сестрой Онетора.

приданое в дом (τοὺς ἀπενεγκόντας²⁸ οἰκέτας). Тот факт, что эти рабы предположительно должны были быть использованы в тяжелом физическом труде, конечно, не отрицает вероятности того, что они были скорее домашними рабами, чем ремесленниками. Но за исключением одного места, где обстоятельства особенные²⁹, нигде в рассматриваемых документах рабы, упомянутые в связи с βάσανος, не обозначены, в этом непосредственном контексте, термином ἀνδράποδος, хотя в других контекстах те же самые рабы могут быть обозначены этим термином.

Это может быть объяснено, как представляется, тем обстоятельством, что в обычном деловом языке частных процессов слово ἀνδράποδος употребляется почти как отчетный термин. Обозначенные таким образом рабы рассматриваются в данный момент исключительно как имущество, имеющее стоимость, независимо от их субъективных, самостоятельно действующих качеств, таких, как, например, их осведомленность об определенных событиях, которая может быть обнаружена под пыткой. По аналогии с этим и при наиболее характерном употреблении термина δοῦλος заметно также абстрагирование от индивидуальных отличительных особенностей рабов, выдвигание на первый план прежде всего их правового положения. Раб как конкретная личность обычно обозначается или одним из «рабских» терминов, например οἰκέτης, φεράβαινα (если имеется в виду рабыня³⁰), или такими словами, как παῖς, ἄνθρωπος, или же словом, указывающим на профессию.

Речь против Эверга и Мнесибула, хотя и относительно богатая многообразием обозначений рабов, связанных в большинстве случаев с сельской жизнью³¹, содержит всего лишь один намек на специальную роль термина ἀνδράποδος. Анализ опекунских речей, в которых этот термин почти исключительно применен к рабам, ясно отождествляемым с ремесленниками, дает возможность составить более точное представление о его значении в языке тяжущихся в процессе об имуществе перед афинским народным судом IV в. Также и тут наиболее яркий свет на данный вопрос проливают не столько места, в которых появляется самый термин ἀνδράποδος, сколько контраст в контексте этих мест и тех, в которых рабы обозначены другими словами. Как было отмечено, там, где ремесленники упоминаются как представляющие стоимость, как «статьи инвентаря», или как источники дохода, оратор обнаруживает склонность определять их термином ἀνδράποδος. Говоря же, например, о расходах на их содержание, Демосфен называет рабов ἄνθρωποι (XXVII,

²⁸ Ср. XLIX, 52, где опять употребляется οἰκέτης применительно к рабам, предположительно переносившим (ἵνεγκαν) тяжести, в данном случае медь, доставлявшуюся в трапезу Пасиона в качестве залога ссуды. См. также Isae., VI, 42.

²⁹ LIII, 22. Это место будет рассматриваться ниже. Интересно отметить, что в речи Антифонта, написанной на 55—75 лет раньше, чем Dem., XXX (Antiph., I, 7—12, о датировке см. вступительные замечания K. J. Maidment в изд. Loeb: Minor Attic-Orators, I, L., 1941, стр. 3, 12; ср. K. J. Dover, The Chronology of Antiphon's Speeches, CQ, XLIV (1950), стр. 48 слл.), рабы, которые, по всей видимости, были домашними слугами (или же служанками), именно в связи с βάσανος обозначены только термином ἀνδράποδος. Особенно любопытно одно место (§ 9): ἠθέλησα μὲν τὰ τούτων ἀνδράποδα βάσανισαί, ἃ συνῆδει, ... τὴν γυναῖκα... τῷ πατρὶ τῷ ἡμετέρῳ θάνατον μηχανωμένην κτλ.

³⁰ Очевидно, иногда этот термин употреблялся как женский эквивалент слова οἰκέτης, для обозначения рабынь как общей категории. См., например, Isae., VIII, 9—10; Timae., fr. 67, FHG, I, 207 (Athens., VI, 264 c).

³¹ Исключения составляют ὑπρέτης, § 35 (назван παῖς в § 36), являвшийся, очевидно, δημόσιος, и домашняя рабыня, чей допрос под пыткой должен был явиться главным доказательством в процессе о нанесении оскорбления действием. В пространственных аргументах об этом рабыня обозначена только словом ἡ ἄνθρωπος. См. XLVII, 5—17, 35—40, 46—47, 78—79.

20, ср. § 25). Выделяя их как ремесленников определенной профессии или в связи с технической стороной производства, он называет их или «ремесленниками» (*δημιουργοί* — XXVII, 20, 32), или «ножовщиками» и «мебельщиками». И, наконец, когда о них говорится как о лицах, обладающих определенным знанием того, как хозяин их распоряжался сырьем, предназначенным для их ремесла (сведения, которые могут быть исторгнуты у них под пыткой), они обозначены термином *σικέτης* (XXIX, 38). В следующем же непосредственно отрывке (XXIX, 39) с упором на их юридическое положение, дававшее право на допрос под пыткой, к ним применен термин *δοῦλος*.

Хотя эта вариация терминов соответственно контексту вполне ясно ощущается, все же следует иметь в виду, что сделанное наблюдение по существу не многим больше, чем тенденция, скорее в значительной мере бессознательное приспособление языка к различным контекстам, чем твердая и последовательная техническая терминология. Следует помнить также, что в этих документах мы имеем дело с определенным литературным жанром, с «деловым» языком доводов в частных процессах перед афинским демоном, представленным судом гелиастов. Здесь невозможно детальное рассмотрение терминологических особенностей современных документов других типов, так как это требует специального исследования. Можно, однако, отметить, что обнаруженная в рассмотренных речах тенденция также может быть выявлена и в другом материале, в общем сходном по содержанию с частными речами корпуса.

Например, Платон употребляет термин *ἀνδράποδον* в предлагаемом им законе, устанавливающем условия продажи рабов (Leg., 916a). Этот термин встречается также в цитате из действовавшего афинского закона по этому вопросу (Hyperid., с. Athenog., 15) и читается М. Фейелем в одной надписи из Абдеры (датируемой несколько ранее 350 г. до н.э.), в которой читается текст сходного закона³². Надписи, приведенные Я. А. Ленцманом для иллюстрации «инвентарного» употребления термина, имеют аналогичное содержание. В них рабы появляются или как объекты купли-продажи, или как залог ссуд, или как часть имущества, подлежащего конфискации из-за задолженности в выплате арендной платы³³.

³² ВСН, LXVI — LXVII (1942—1943), стр. 181. Надпись сильно испорчена и только четыре последние буквы слова *ἀνδράποδον* читаются ясно. Подсбно законам, предложенным Платоном и приводимым Гиперидом, абдерский закон устанавливает условия аннулирования продажи в случае обнаружения у объекта продажи болезни (абдерский закон рассматривает одновременно рабов, лошадей, мулов, ослов и рогатый скот), причем указывает разные сроки для предъявления иска в зависимости от типа болезни (при частичном восстановлении надписи М. Фейелем в законе упоминается о сроках четырех дней, трех и десяти месяцев и одного года). Возможно, что тяжба — (*δίχη*) *ἀνδράποδων*, упомянутая Аристотелем (Ath. Pol., 52, 2) среди срочных дел, разбираемых под председательством специальных магистратов — *εἰσαγωγεῖς* — должна быть отнесена к аналогичному аттическому закону о продаже рабов и скота. См. L. Ve a u c h e t, Histoire du droit privé de la république athénienne, P., 1897, IV, стр. 152—156; ср. M. F e u e l, ук. соч., стр. 185 сл., а также и лексикографы, цитируемые Боше.

³³ Л е н ц м а н, О древнегреческих терминах..., стр. 65 сл. Первые две надписи объявляют о закладе [уд]обрабатывающих мастерских около рудников в Аттике (у Финли № 88, 89 = IG, 11², 2747—2748; см. Finley, ук. соч., стр. 66 сл.). Третья, видимо, также относится к контракту о закладе (*ὑποθήκη*), в котором рабы вместе со скотом и орудиями (*βασίματα*, *ἐργαλεῖα*) составляют залог. Судя по фрагменту текста, который Я. А. Ленцман приводит (из примечаний Диттенбергера к SIG³, 1191), нет основания предполагать, как это, очевидно, делает Я. А. Ленцман (ук. соч., стр. 66), что упоминаемые там рабы были ремесленниками. Скорее они составляли, подобно рабам следующей, приводимой Я. А. Ленцманом надписи (Inscr. de Délos, № 503, стк. 33—38) часть сельскохозяйственного инвентаря арендованной храмовой земли. Здесь *ἀνδράποδα* опять фигурируют вместе с живым сельскохозяйственным инвентарем (*τοὺς βοῦς καὶ τὰ πρόβατα καὶ τὰ ἀνδράποδα*), принадлежавшим арендатору храмового участка. Этот инвентарь подлежал продаже со стороны *ἱεροποιοί* в случае

С другой стороны, можно упомянуть и о примере из совершенно другого рода контекста, а именно о сравнении Платоном тирана с владельцем множества рабов (Resp., 578d — 579a). «Подданные» последнего в одном коротком отрывке обозначены четырьмя различными терминами для рабов: ἀνδράποδον, οἰκέτης, δοῦλος и θεράπων. Правда, когда Платон ссылается на страх хозяина перед своими рабами и опасность того, что он и его семья могут погибнуть от их рук, то он обозначает рабов более конкретным термином οἰκέτης, тогда как слово ἀνδράποδον применяется к ним только, когда они определяются как его имущество. Однако очень сильно впечатление того, что в данном месте Платон варьирует свои термины с почти полным безразличием.

Несомненно, именно такие препятствия к точному определению рассматриваемых терминов привели даже специалистов по истории древнегреческого рабства к выводу о невозможности выявить какие-либо серьезные семантические различия в терминах, наиболее употребляемых для обозначения рабов в классический период³⁴. Однако хотя и можно допустить, что терминологические различия, прослеженные нами в речах Демосфеновского корпуса, ни в коей мере не являются строгими классификациями, все же в одной только явно ощутимой тенденции выделить в связи с денежным аспектом раба один термин — ἀνδράποδον — можно видеть признак возрастающего значения рабства в афинской экономике IV в. до н. э. И, возможно, неслучайно, что термином, отобранным судебной и рыночной практикой для обозначения этого отличия, явилось слово, которое, как указал Я. А. Ленцман, даже морфологически наделено абстрактным, безличным качеством³⁵.

Итак, показания опекунских речей позволяют несколько уточнить оттенок значения, передаваемый термином ἀνδράποδον; вместе с тем они служат подтверждением вывода, сделанного при анализе XLVII речи, о том, что ни ἀνδράποδον, ни οἰκέτης не обозначали отдельных категорий рабов. Даже при таком контексте, каковой представлен в опекунских речах Демосфена, где рабы, чаще всего называемые «андраподами», являлись ремесленниками, нельзя не видеть, что выбор термина не мотивировался родом занятия обозначаемого им раба.

В речи против Пантэнета (XXXVII) мы опять находим оба термина ἀνδράποδον и οἰκέτης применительно к рабам, занятым в производстве. Однако тут условия их чередования несколько своеобразны: рабы эргастерия Пантэнета называются οἰκέται не в самой речи, а только в документе, приведенном в ней. Это обстоятельство, как увидим, вносило свой особый отпечаток в словоупотребление.

неуплаты ренты. Дж. Кент на основании этой надписи заключает, что в эллинистический период «храмовые земли в значительной мере, если не целиком, обрабатывались рабским трудом». См. Kent, ук. соч., стр. 180, и материал, приведенный там же, прим. 129.

³⁴ См., например, W. L. Westermann, The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Philadelphia, 1935, стр. 5. Как уже было отмечено (см. ВДИ, 1956, № 3, стр. 124), позиция Морроу представляет до некоторой степени (в отношении термина ἀνδράποδον) исключение. Однако, по моему мнению, его довольно беглые, местами даже противоречивые замечания о значении терминов δοῦλος и οἰκέτης, включая краткий экскурс с критикой интересной попытки Клаара определить различие в оттенке в употреблении этих двух терминов, свидетельствуют о том, что Морроу, в целом, уделил мало внимания терминологическим вопросам. См. G. R. Morrow, Plato's Law of Slavery in its Relation to Greek Law, Urbana, Ill., 1939, стр. 17, прим. 1; стр. 25, 134 (прим. А); E. Klaar, «Phil. Woch.», 1923, № 22, стб. 525—528.

³⁵ См. Ленцман, О древнегреческих терминах. . . , стр. 60. Наблюдение Я. А. Ленцмана относительно того, что термин ἀνδράποδον обычно появляется во множественном числе, подтверждается свидетельством рассматриваемых здесь документов. Из общего числа 44 случаев употребления этого слова в Демосфеновском корпусе, только в двух он выступает в единственном числе (IX, 31; XLV, 73 — об этих местах см. ниже).

Пантэнет был владельцем эргастерия в районе серебряных рудников в Аттике, в котором трудилось тридцать рабов, обрабатывавших серебряную руду³⁶. Произносивший данную речь — некий Никобул, который вместе с Эвергом одолжил Пантэнету сумму денег под залог (в форме условной продажи) рудодробильни и рабов.

В пяти местах, где рабы Пантэнета упомянуты в связи с этой сделкой — и где, следовательно, упор лежит на их качестве представителей стоимости, они обозначены термином ἀνδράποδοι. Например, § 4: «мы одолжили 105 мин... вот этому Пантэнету под залог эргастерия и тридцати рабов» (ἐδανείσαμεν ἐπ' ἐργαστηρίῳ τε... καὶ... ἀνδράποδοις); § 9: «...этот человек арендовал... эргастерий и рабов...» (οὗτος ἐμισθώσατο... τὸ ἐργαστήριον καὶ τὰνδράποδα); § 21: «...когда я стал продавцом рабов...» (ὅτ' ἐγ-γνώμην τῶν ἀνδράποδῶν πρᾶτήρ³⁷).

Дело, начатое Никобулом против Пантэнета и представленное в рассматриваемой речи, было «параграфэ», возражением, заявленным против процесса, уже возбужденного Пантэнетом против оратора. Рукописи Dem., XXXVII включают пять извлечений из текста³⁸ официального обвинения («энклема») Пантэнета против Никобула, и в каждом из этих извлечений употребляется слово οἰκέτης. В первых двух извлечениях (§ 22, 25) нам не сообщена профессия рабов, обозначаемых этим термином; возможно, что они были личными слугами. Но ясно, что рабы-ойкеты, упомянутые в остальных частях энклемы (§ 26, 28, 29), являлись ремесленниками эргастерия Пантэнета. В § 26 и 28 контекст полностью подходит для избрания термина, применяемого к рабам, когда они рассматриваются как хотя бы до некоторой степени индивидуумы, а не как просто ценные предметы: в § 26 Пантэнет обвиняет Никобула в попытке «убедить моих рабов остаться в рудодробильне в ущерб моим интересам»; в § 28 он обвиняет Никобула в «обработке серебряной руды, которую дробили³⁹ мои рабы, и в обладании серебром, выработанным из этой руды». Контекст третьего отрывка (§ 29), однако, таков, что мы могли

³⁶ Dem., XXXVII, 4. В приведенном в речи документе эргастерий Пантэнета обозначен более узким термином κεύθεον «рудодробильня» (§ 26). См. R. J. N o r p e r, The Attic Silver Mines in the Fourth Century B. C., BSA, XLVIII (1953), стр. 203 сл.

³⁷ В этом месте упомянуты только рабы, хотя из контекста ясно, что подразумевается и эргастерий. Никобул был «продавцом» рабов только в том условном смысле, что он служил Пантэнету поручителем для условной продажи рудодробильни другой группе заимодавцев. О сложных обстоятельствах финансирования этого производственного предприятия см. Finley, ук. соч., стр. 32—35; о значении слова πρᾶτήρ при таком контексте см. там же, стр. 228, прим. 33.

³⁸ Подлинность подобного «документального» материала в рукописях ораторов всегда может быть взята под сомнение, см., напр., H. S c h u s c h t, Über die Echtheit attischer Rednerurkunden, «Phil. Woch.», XXXIX (1919), стр. 1120 слл., 1143 слл. Ответ на «гиперкритику» Шухта см. L. G e r n e t, Démosthène, Plaidoyers civils (изд. Budé), I, P., 1954, стр. 21—22. В данном случае Schaefer отверг приведенное обвинение как интерполяцию позднего грамматика (A. S c h a e f e r, ук. соч., стр. 200). Бласс принял его за подлинное, замечая, что «ein Späterer hier nicht einmal die Möglichkeit zu fälschen hatte, wenigstens nicht so zu fälschen» (B l a s s, ук. соч., стр. 419). Тот факт, что текст энклемы, очевидно, не является просто выхваченным из аргументации в самой речи, кажется, говорит в пользу его подлинности. Х о п п е р (ук. соч., стр. 204) не видит «достаточных оснований» для того, чтобы не принимать приведенный документ в Dem., XXXVII за подлинный. В плане терминологического анализа энклема Пантэнета представляет известную трудность (см. ниже), но, следует отметить, — не единственную. Поэтому я обращаюсь с этим текстом как с подлинным, хотя и не претендуя на то, что подлинность его доказана.

³⁹ А. Т. М а р р и переводит (ed. Loeb, IV, I., 1946): «и обработав серебряную руду, которую выкопали мои рабы...», принимая эргастерий Пантэнета за рудник. См. выше, прим. 36.

бы ожидать термин *ἀνδράποδον*: «продав мой эргастерий и рабов вопреки соглашению, которое он заключил со мной» (*ἀποδόμενος τὸ ἐργαστήριον... καὶ τοὺς οἰκέτας κτλ.*).

Взвешивая значение этого «исключения из правила», которое я пыталась установить, следует прежде всего помнить, что все до сих пор установленное является не «правилом», а всего лишь тенденцией — реально существовавшей и, как представляется, уже достаточно показанной, но не обязывавшей к строгому соблюдению в такой гибкой среде, каковой является живая, обыденная речь, даже когда она модифицирована ораторским искусством. Тем не менее, в данном случае (XXXVII, 29) кажется возможным, что именно, так сказать, литературный момент влиял на выбор термина.

Дело в том, что все пять извлечений из энклемы Пантэнета являются частями связного заявления. Это видно из того, что (разумеется за исключением первого извлечения) к каждому из них приложены вводные слова вроде: «прочти мне следующий кусочек». Таким образом, одно только повторение, нечто вроде словесного эхо, одного термина *οἰκέτης* во всех четырех непосредственно предшествующих отрывках, могло повлиять на его употребление в конечном отрывке, т. е. в § 29. Во всяком случае, все три отрывка, в которых рабы рудодробильни названы *οἰκέται*, еще раз указывают на то, что ни *ἀνδράποδον*, ни *οἰκέτης* не являлись специальными терминами для обозначения какой-либо профессиональной группы среди рабского населения.

Рабы-ремесленники составляют часть оспаривавшегося имущества также и в речи XLVIII против Олимпиодора. Комон оставил после себя два дома и две группы ремесленников (*ἀνδράποδα* — § 12). Два родственника, Каллистрат и Олимпиодор, до предъявления претензий на имущество в официальном порядке перед архонтом, договорились между собой о том, что они поделят поровну дома и рабов и все, что будет обнаружено сверх этого в имуществе Комона (*τὰ τε ὑπάρχοντα φανερά ὄντα... διαρῆζεσθαι... καὶ τᾶλλα πάντα κοινῇ ζητήσεν*).⁴⁰ Во время раздела (§ 13) Каллистрат забрал один дом и ткачей (*τοὺς σακχουφάντας*), Олимпиодор — другой дом и растирающих лекарственные вещества (*τοὺς φαρμακοτρίβας*). В этом втором упоминании рабов в «инвентарном» контексте они не обозначены специальным термином.

В следующем непосредственно повествовании один из растирающих лекарства, Мосхион, называется или *οἰκέτης* (§ 14, 15, 18; ср. 44), или *ἄνθρωπος* (§ 14, 15, 16, 17, 19; ср. 32, 34, 37). Далее в речи Мосхион одновременно обозначается обоими терминами: *ὁ ἄνθρωπος ὁ οἰκέτης*⁴¹. Этот раб обвиняется выступающим (Каллистратом) в краже из кассы Комона большой суммы, величина которой узнается у него под пыткой (*βάσανος*, см. § 16, 18).

⁴⁰ XLVIII, 9. «Явное» или «признанное» имущество (*τὰ φανερά*) включало, помимо домов, также рабов и деньги в трапедзе Гераклида (§ 12). Деньги включены и в «явное имущество», упомянутое в § 35 (см. также § 17). Поэтому термин *φανερός* не эквивалентен современному «движимый». Ср. выше, прим. 24, и Finley, ук. соч., стр. 54 слл; ср. М. С. К у т о р г а, Собр. соч., I, СПб., 1894, стр. 247.

⁴¹ XLVIII, 27, 35; ср. *παῖς διάκονος* — XL, 14, XLVII, 52; *παῖς ἰκελουθός* — XXXVI, 45, LIV, 4; *ἄνθρωποι δοῦλοι* — LIX, 9. Слово *ὁ, ἡ ἄνθρωπος* часто применяется к рабам. См. L.—S.—J., s. v., I, 6, 7, II, и выше, прим. 31. В D e m., XLVIII, 37, лучшие рукописи имеют выражение *τοῦ αὐτοῦ* (или *ἐαυτοῦ*) *ἄνθρωπου* — см. аппарат Ренни в издании Oxford Classical Texts. Некоторые предлагают поправку *ἀνδράποδον*, т. е. «его собственного раба», вместо «его собственного человека». Мне кажется, что если бы в данном контексте был употреблен обозначающий раба термин, это скорее был бы *οἰκέτης*. Выражение «его собственный человек» указывает, возможно, на то, что слово *ἄνθρωπος* начинало приобретать два различных значения, что уже произошло со словом *παῖς*.

Альтернативное употребление слов ἀνδράποδον и οἰκέτης в отношении тех же рабов представляет терминологическую вариацию, уже наблюдавшуюся выше, сперва в связи с пастухом и домашним слугой в XLVII, затем в связи с ножовщиками опекунских речей и ремесленниками Пантэнета в XXXVII. На появление той же вариации в XLVIII стоит остановиться только из-за специального внимания, уделенного этому месту Я. А. Ленцманом в его статье о древнегреческих терминах, обозначающих рабов. Я. А. Ленцман пишет: «Небольшой пример из речи Демосфена против Олимпиодора покажет нам, насколько четко авторы классического времени разграничивали словоупотребление терминов „ойкет“ и „андрапод“». В связи с употреблением последнего термина в описании имущества Комона автор замечает: «Таким образом, рабы на производстве называются, как и следовало ожидать, андраподами. Однако среди андраподов второй группы был один, по имени Мосхион, которого умерший Комон считал наиболее преданным. Этот Мосхион, как только обращается внимание на его преданность (πιστός), сразу называется ойкетом. По-видимому, раба — доверенное лицо хозяина — нельзя было называть андраподом — „человеческим скотом“ и более подходящим для него было название „ойкет“»⁴².

«Следовало ожидать» встретить этих ремесленников, обозначенными термином ἀνδράποδον, поскольку автор только что констатировал правило: «... рабы античного типа, занятые в ремесленном производстве, никогда не называются ойкетами. Их называют дулами, или же, более точно, андраподами»⁴³. Можно только предположить, что правило это было так категорично сформулировано до того, как автор подметил исключение.

Как мы уже видели и увидим также и в дальнейшем, такие строгие категории как «правила» и «исключения» являются прокрустовым ложем при анализе классической греческой терминологии рабства, которая, как кажется, скорее направляется тенденциями и вариациями к этим тенденциям. Вместе с тем, каждый, кто долго и внимательно изучал эти тенденции в их вариациях, как они обнаруживаются в Демосфеновском корпусе, не может, мне думается, не заметить справедливости наблюдения Я. А. Ленцмана об удивительной четкости в употреблении терминов авторами классического периода. Более того, несмотря на ошибочное, с моей точки зрения, исходное положение Я. А. Ленцмана, он весьма искусно попал в точку, объясняя переход от ἀνδράποδον к οἰκέτης в данном примере соответствующим переключением внимания, угла зрения говорящего. Однако при этом Я. А. Ленцман снова не заметил, как мне кажется, следующего из этого противоречия основному тезису его статьи, рассматривающей указанные термины как групповые.

Но не совсем верно и, во всяком случае, чревато опасностью впасть в заблуждение, если утверждать, что один из ремесленников, Мосхион, обозначается термином οἰκέτης, как только внимание говорящего переключается на преданность этого раба к его прежнему хозяину Комону. Во-первых, не Комон (ныне умерший) называет его οἰκέτης, а лицо, которое не питает никаких иллюзий в отношении преданности Мосхиона. Во-вторых, в том предложении, в котором упоминается неоправдавшееся доверие Комона к рабу, этот последний называется «одним из растирающих лекарства» и ὁ ἄνθρωπος; первое появление Мосхиона как «ойкета» связано скорее с разъяснением, что осведомленность его в делах Комона дала возможность выкрасть деньги последнего, не будучи обнаруженным. Конечно, в этом и в следующем местах, где он обозначен термином

⁴² Ленцман, О древнегреческих терминах..., стр. 56 сл.

⁴³ Там же, стр. 56.

οἰκέτης, подчеркивается вовсе не верность Мосхиона, а скорее его вороватость — черта, которая, безусловно, уронила бы его в глазах Комона ниже скота, «человеческого» или иного⁴⁴.

Как думается, то, что Мосхион назван «ойкетом», вызвано не его верностью, не его воровством. Скорее дело тут в переключении внимания говорящего от рассмотрения рабов Комона, как предметов инвентаря, к рассмотрению их поведения, к индивидуальным особенностям одного из ремесленников, связанных с ойкосом Комона.

Нами уже рассмотрены все случаи в Демосфеновском корпусе, в которых термин ἀνδράποδοι применен к рабам, определенно отождествляемым с ремесленниками⁴⁵. Мы видели из контекстов, в которых этот термин встречается, и, особенно, из тех контекстов, в которых этот термин заменен каким-либо другим словом в обозначении тех же рабов, что решающим фактором был не род деятельности, в которую рабы были вовлечены, а скорее то обстоятельство, думал ли говоривший о них как о форме богатства или как о представителях, в сколь угодно ограниченном смысле, рода человеческого.

Речи Демосфена дают относительно мало материала о применении рабов в земледелии и скотоводстве и о терминах, употребляемых в отношении рабов в этих областях. В речи против Эверга и Мнесибула, как отмечалось, оба термина, и ἀνδράποδοι и οἰκέτης, употреблены для обозначения сельских рабов. В речи LV против Калликла раб говорящего, Каллар, который был обвинен в устройстве запруды и затоплении таким образом земельного участка соседа, охарактеризован прямо как «один из моих δοῦλοι» (§ 31) и косвенно как οἰκέτης в следующем аргументе от возможного (§ 32): «и какой ойкет, однако, станет воздвигать стену вокруг участка своего хозяина, если бы его хозяин не приказал ему сделать это?». Употребление в § 31 юридически определяющего термина к определенным рабам, статус которых не оспаривается, можно сравнить с рассмотренным уже ранее примером из LIX, 9 (см. ВДИ, 1956, № 3, стр. 123). Как там, и тут говорящий хочет, очевидно, выявить ненормальность обстоятельств с юридической точки зрения: «Он выиграл против меня⁴⁶ дело по заочному решению третейского суда, написав (на обвинительном документе имя) Каллара (который даже не свободный, а) один из моих рабов». Иначе говоря, Калликл, выставляя формально обвинение против раба (который, собственно, не является юридическим лицом), выиграл против стороны, юридически ответственной, хозяина раба — казуистический маневр, охарактеризованный говорящим как «трюк» (σόφισμα).

Отсутствие термина ἀνδράποδοι применительно к Каллару или другим рабам, эксплуатировавшимся говорящим в его загородном хозяйстве, находится в соответствии с тем, что было замечено об употреблении

⁴⁴ Если можно судить по одному примеру словоупотребления у К с е н о ф о н т а (Mem., II, 4,5), необязательно должно было ощущаться противоречие в ассоциации понятий «верный» и «стойкий» с термином ἀνδράποδοι, если в остальном контекст подходит для применения этого термина (тут говорится о лошадях, быках, т. е. об обычном для земельной собственности живом инвентаре).

⁴⁵ В XXXVIII, 7, термин встречается в следующем контексте: «После того как собрали все долги и продали некоторое оборудование (или же «утварь» — σκεῦη), а также рабов, опекуны купили ту землю (τὰ χωρία) и дома, которые получили от них эти лица». О занятии рабов никаких сведений не дано; главное то, что их можно было обменять за деньги. В XXI, 48 термин употребляется в контексте, относящемся к ввозу рабов из «варварских» стран, опять без упоминания о том, как данный товар будет потреблен. Ср. IX, 31, о котором речь пойдет ниже.

⁴⁶ Перевожу текст в чтении Ренни в издании Oxford Classical Texts; это чтение засвидетельствовано большинством рукописей. С «трюком» Калликла ср. XXXVII, 51; см. M o g g o w, ук. соч., стр. 72.

этого термина. Достаточно ясно также, что если данный раб обозначался (косвенно) терминами *δοῦλος* и *οἰκέτης*, то это не имело никакого отношения к его сельскохозяйственной деятельности. Можно отметить, что говорящий, который в своем заключительном обращении к судьям не преминул обратить их внимание на скромные размеры своего имущества (§ 35), держит в своем хозяйстве нескольких рабов.

В речи LIII против Никострата упоминаются трое *οἰκέται*, сбежавших от своего хозяина «с поля» (*ἐξ ἀγροῦ παρὰ τοῦτου* — § 6; ср. *Lys.*, I, 11, 13). Выражение *ἐξ ἀγροῦ*, без артикля, может, конечно, просто означать, что владелец рабов жил в сельской местности, т. е. «из его сельской усадьбы» (ср. *ἐν ἀγρῷ* в § 4 и LV, 23; *Pl.*, *Leg.*, 844 с: *ἐν ἄστει μὲν . . . ἐν ἀγρῷ δέ*; ср. *Dem.*, LV, 17), но можно также с полным основанием полагать, что рабы были заняты в обработке *ἀγρός* или пасли там скот.

В отношении основных объектов этой речи — двух других рабов по имени Кердон и Ман — мы осведомлены полнее. Говорящий из LIII (Аполлодор, сын Пасиона) с самого начала заявляет, что его действие против Никострата было продиктовано личной обидой; иначе он не стал бы ходить в суд из-за «рабов стоимостью в 2,5 мины» — *πένθ ἡμιμναίων ἄξια ἀνδράποδα*⁴⁷. Цель его — лишить Никострата и его брата этих ценностей, которые, как он утверждает, на самом деле принадлежат третьему брату, Аретусию. Так как Аретусий являлся государственным должником, то все его имущество подлежало конфискации. В случае доказательства принадлежности рабов ему, они также должны будут перейти к государству. В большинстве мест, где Кердон и Ман названы *ἀνδράποδα*, подчеркивается то, что они являются частью имущества Аретусия, например: «. . . Аретусий, тот самый, чьими являются эти рабы . . .» (*οὐπὲρ ἐστὶν τὰ ἀνδράποδα ταῦτα*), § 14; ср. § 2, 10, 19, 22, 23 (как государственное имущество; ср. § 27). Имена рабов упоминаются только в § 19 и 20, в которых Аполлодор предъявляет доказательства их принадлежности Аретусию. В других случаях они обозначены только термином *ἀνδράποδον* или словом *ἄνθρωπος*. Оба раба были, очевидно, «доверенными лицами». Кердон был выращен в доме (*ἐκ μικροῦ παιδαρίου ἐξεδρέφατο* — § 19), и как он, так и Ман действовали, по-видимому, в качестве агентов своего хозяина: «Всякий раз, когда эти люди покупали урожай фруктов или заключали контракт (нанимали [работников]?) для сбора (хлебного) урожая или предпринимали какое-либо иное действие по хозяйству, это был Аретусий, который покупал и заключал контракт (нанимал?) за них» — *ὅποτε . . . οἱ ἄνθρωποι . . . ἢ ὀπώραν πρίαιντο ἢ θέρος μισθοῖντο ἐκδερίσαι ἢ ἄλλο τι τῶν περὶ γεωργίαν ἔργων ἀναίροιντο, Ἄ. ἢν ὁ ὠνούμενος καὶ μισθοῦμενος ὑπὲρ αὐτῶν*⁴⁸.

Это показание является частью свидетельства, выдвинутого Аполлодором, чтобы подтвердить принадлежность рабов Аретусию. В отношении Кердона Аполлодор предлагает специальное показание, что «(со всех тех, или же, независимо от того), на кого он когда-либо работал, Аретусий собирал наемную плату за него и, в качестве хозяина (*ὡς δεσπότης ὢν*) получал компенсацию, или отдавал его, когда Кердон причинял какой-либо ущерб (*ὅποτε κακόν τι ἐργάζατο* — § 20)».

⁴⁷ LIII, 1. Иск построен на «апографэ», или доносе в виде инвентарного списка о государственном имуществе, якобы находящемся в руках частного лица. Аполлодору, в случае удачного исхода дела, положено присвоение $\frac{3}{4}$ стоимости имущества, о котором вчинен иск (см. § 2).

⁴⁸ LIII, 21. Выражение *ἔργον ἀναίρεομαι* в смысле «заключить контракт» на исполнение какой-то работы или «предпринять» какую-то работу см. *Pl.*, *Leg.*, 921 a, d; *L.—S.—J.*, s. v. *ἀναίρεω*, B, II, 1. В переводе слов *μισθοῖντο* и *μισθοῦμενος* я расхожусь с А. Т. Марри, исходя из обычного употребления данного глагола в разбираемых текстах. Вопрос будет рассмотрен особо в другом месте.

Аргументация Аполлодора следующая: найдите человека, который забирал заработок раба, где бы тот ни работал, и платил за его оплошности, и вы найдете его владельца. Как мне представляется, можно заключить из одного места у Гиперида⁴⁹, что принцип, примененный здесь Аполлодором, лежал в основе действующего аттического закона. Но укреплен ли этот принцип законодательством, или же лишь прочно укоренен в обычном праве, применение его в данном контексте недвусмысленно указывает на то, что основной чертой отношений между рабом и господином в Афинах IV в. было облачение хозяина всеми правами и полной ответственностью, юридической и экономической, за действия раба. Это равносильно тому, что в основном права и обязанности хозяина раба были в полном смысле правами и обязанностями собственника, а положение раба — положением объекта собственности.

Колебание в употреблении слов *ἀνδράποδοι* и *ἄνθρωπος* в отношении Кердона и Мана особенно интересно в двух фазах аргументации Аполлодора. Первая уже упоминалась: при описании хозяйственной деятельности рабов (§ 21) они называются *οἱ ἄνθρωποι*. Сразу же после этого места следует объяснение того, почему именно Аполлодор отверг предложение своих противников выяснить вопрос о принадлежности, подвергнув оспариваемое имущество пытке (§ 22—25). Эта довольно скользкая аргументация начинается так (§ 22): «Я выложил перед вами все показания, какие были в моем распоряжении, чтобы доказать, что рабы принадлежат Аретусию (*ὡς ἔστιν Ἀρεθουσίῳ τὰ ἀνδράποδα*). Но я хочу сказать также и о предложении... ибо эти люди сделали мне вызов... , заявив, что они готовы вручить рабов мне лично для допроса под пыткой» (*παράδιδόναι ἐμοὶ αὐτῶ τὰ ἀνδράποδα βασανίσαι*).

Употребление *ἀνδράποδοι* в последней формуле представляет проблему, аналогичную той, которая уже рассматривалась в связи с употреблением *οἰκέτης* в XXXVII, 29. Если уж не обращаться к основному значению слова *βῆζανος*, определяемому Гарпократионом (со ссылкой на Антифонта) как «камень, посредством которого через трение испытывается золото», иначе говоря, «пробный камень», — трудно объяснить удовлетворительно появление здесь термина, который, как мы видели, обычно применяется в наших документах к рабам, рассматриваемым не с точки зрения их способности доставить ту или иную информацию, а с точки зрения их свойства обмениваться на деньги, их качества воплощенной стоимости. Однако здесь опять, как и в случае с *οἰκέτης* в XXXVII, 29, возможно словесное эхо. Термин *ἀνδράποδοι* неоднократно применялся к этим рабам в начале речи, как и при последнем их упоминании в знакомой формуле, утверждающей их принадлежность Аретусию, и мы можем быть уверены, что этот же термин был применен к ним в апографэ — официальном инвентарном документе, на котором основывается настоящий иск Аполлодора. В самом деле, хотя казалось бы весьма маловероятной ссылка

⁴⁹ H u r e r i d., c. Athenog., 22 — «закон Солона», устанавливающий, что «хозяин (τὸν δεσπότην) должен уплатить любые штрафы и убытки, которые причиняют его рабы, у кого бы рабы ни работали». Мой перевод этого места у Гиперида в одном существенном отношении расходится с обычным пониманием его, согласно которому второе определительное предложение отнесено к слову *δεσπότης* — «у которого рабы работают». См., например, Л е н ц м а н, О древнегреческих терминах..., стр. 56 (со ссылкой на G. Colin, éd. Budé, P., 1946); J. O. B u r t t, ed. Loeb, L., 1954; L. G e r n e t, Droit et société dans la Grèce ancienne, P., 1955, стр. 155 сл.; J. W. J o n e s, The Law and Legal Theory of the Greeks, Oxf., 1956, стр. 281, прим. 1, ср. стр. 266, прим. 4. (на работы Жернэ и Джонса мне указал Я. А. Ленцман); ср. L. B e a u c h e t, ук. соч., т. II, стр. 454 сл.; J. P a r t s c h, Griechisches Bürgschaftsrecht, Lpz. u. F., 1909, стр. 139, прим. 1. Надеюсь обсудить этот вопрос подробно в другой работе.

на понятие «пробный камень» в данном контексте, тот факт, что испытание, которому рабы должны были быть подвергнуты, имело целью показать, в чей реестр они входили, быть может, является также относящимся к делу.

В следующей за этим аргументации распределение терминов столь полно гармонирует с тенденциями, которые мы обнаружили в других местах Демосфеновского корпуса, что трудно придавать большое значение только что рассмотренному отклонению. Аполлодор рассказывает, как он ответил на предложение. Он бы принял его, сказал он своим противникам, при условии, что допрос рабов будет произведен представителями государства. «Если бы я возбуждал частное дело против них, — сказал я им, — если бы они предложили (рабов) мне лично, я бы взял (их); однако рабы принадлежат городу (*γὺν δὲ τῆς πόλεως εἶη τὰ ἀνδράποδα*)... Ибо я счел неподобающим для себя как для частного лица подвергнуть пытке рабов, принадлежащих государству (*τοὺς δημοσίου βασιλίσσειν*)... и было бы неправильным с моей стороны (так я думал) быть судьей того, что сказали бы (эти) люди (*τὰ λεγόμενα ὑπὸ τῶν ἀνθρώπων*), и я полагал, что магистраты или избранные будут должны записать (сказанное) и вручить суду скрепленный печатью отчет о показаниях под пыткой, что (эти) люди ни скажут (*θεῖν τὴν ἀρχὴν... γράψεσθαι καὶ... τὰς βασιλικοῦς, ὅ τι εἶποιεν οἱ ἄνθρωποι, παρέχειν εἰς το δικαστήριον*)... Ибо, если бы люди (*τῶν ἀνθρώπων*) были подвергнуты мною пытке в частном порядке, мои противники стали бы оспаривать все...» (§ 23—25).

Рабы появляются в последней раз в § 27. Аполлодор указывает, что, если даже допустить, что рабы были собственностью не Аретусия, а его братьев, они все равно должны быть конфискованы государством, так как братья Аретусия не выполнили своего обязательства выплатить за Аретусия долг государству, за который его имущество подлежало конфискации: *ὥστε καὶ εἰ τοῦτων ἦν τὰ ἀνδράποδα, προσήκειν αὐτὰ δημοσία εἶναι*.

* * *

Уже было отмечено несколько случаев применения термина *ἀνδράποδος* к рабам, занятым в сельском хозяйстве (XLVII, 64,65; LIII *passim*). Если же считать и места, где употребляются другие термины, то можно сказать, что демосфеновские речи дают достаточно ясные, хотя и главным образом косвенные показания того, что рабы составляли часть обычного сельскохозяйственного инвентаря в Аттике IV в.⁵⁰

В ряде других документов, относящихся к V—III вв. до н. э., имеются упоминания о рабах вместе со скотом, как о типичном инвентаре полисной хоры, причем часто в этих случаях рабы обозначены термином *ἀνδράποδος*. Это сочетание двух главных живых элементов богатства на земле, хотя оно слабо представлено в Демосфеновском корпусе, заслуживает отдельного упоминания особенно ввиду того, что у нас обращают относительно мало внимания на эксплуатацию рабов в сельском хозяйстве Греции классического периода.

В одном из диалогов Платона, где речь идет о богатстве мессенской земли (*γῆ*), говорится, что она содержит множество *ἀνδράποδα* (в том

⁵⁰ См. XLVII, 53; LIII, 6; LV, 31; ср. Xen., Oec., III, 10; Mem., II, 4,5. Сюда можно отнести и *οἰκέται*, которые хорошо знали хору Хиоса (Thuc., VIII, 40,2) и *οἰκέται*, к которым обращались партии во время междоусобной борьбы в Керкире (Thuc., III, 73).

числе и илотов), лошадей и «другого скота» (*ἄλλα βοσκήματα*)⁵¹. Подобное сочетание встречается и в надписях эллинистической эпохи, например в делосских надписях, сообщающих об аренде сельских участков, принадлежащих храму Аполлона⁵². В одной речи Лисия мы находим следующую комбинацию: «пару волов, рабов и все предметы сельского хозяйства» — *τὸ μὲν ζεύγος καὶ τὰ ἀνδράποδα καὶ ὅσα ἐξ ἀγροῦ*, или же, как пересказывает содержание этого места С. И. Соболевский в своем введении к переводу речи: «волов, рабов и все прочие предметы сельского хозяйства»⁵³.

«Андроподы» как ценные предметы военной добычи встречаются не только в связи с захватом пленных в битве или же в завоеванном городе⁵⁴. Они служили объектами набегов на хору союзного полиса как во время войны, так и в мирное время. И в таких контекстах в литературных документах «андраподы» нередко ассоциируются опять-таки с другим сельским инвентарем. Можно упомянуть, например, об *ἀνδράποδα καὶ βοσκήματα πᾶμπολλα* — о «множестве рабов и скота», захваченных на полях (*ἐκ τῶν ἀγρῶν*) богатой керкирской хоры (Xen., Hell., VI, 2, 6).

Однако особенно хорошо знакомо то место у Фукидида (VII, 27,5; ср. Hell. Оху., XII, 4), где историк описывает громадный экономический ущерб, причиненный афинянам вражеской оккупацией Декелеи. При этом Фукидид как раз подчеркивает то, что потерянное богатство было связано именно с хорой, т. е. в данном контексте с сельскими районами вне города, и вместе с рабами (*ἀνδράποδα*) он упоминает о мелком и рабочем скоте. Правда, по отношению к рабам он замечает, что из них многие были ремесленниками (*χειροτέχνα*). Однако «многие» (*πολὸν μέρος* — лишь в одной рукописи написано: *τὸ πολὺ μέρος*) — это не «все», и именно этот мало привлекавший внимание факт⁵⁵ позволяет заключить, что мы опять имеем дело, во всяком случае частично, с обычным сельским инвентарем. Это заключение подтверждается тем, что сам Фукидид вкладывает в уста Алкивиада предсказание о грядущем опустошении аттической хоры лакедемонянами в следующих словах, адресованных лакедемонянам: «Того, чем снабжена аттическая хора, много попадет в ваши руки, то в виде захваченной (добычи), то приходящим по собственному почину» *οἷς τε γὰρ ἡ χώρα κατασκευάζεται, τὰ πολλὰ πρὸς ὑμᾶς τὰ μὲν ληφθέντα, τὰ δ' αὐτόματα ἦξει* (VI, 91,7). Последняя фраза относится, разумеется, к рабам, к тем «андраподам», которые в действительности потом и попали к лакедемонянам «по собственной инициативе», т. е. убежали от своих хозяев. Но здесь особенно интересно включение историком рабов в то ценное имущество, которым «снабжается хора». По мнению одного англий-

⁵¹ Pl., Alcib., I, 122 d. Ср. Leg. 805 de, где говорится о том, как фракийцы и многие другие роды (*γένη*) пользуются женами для «полевых работ и в качестве пастушек рогатого и мелкого скота и для обслуживания, точно так же как используются рабы» — *γεωργεῖν τε καὶ βοσκολεῖν καὶ ποιμαίνειν καὶ διακομεῖν μηδὲν διαφέροντως τῶν δούλων*. Возможно, конечно, что аналогия с рабами относится лишь к последнему типу деятельности (*διακομεῖν*), но, по-моему, весь перечень занятий в целом трактуется Платоном как один «рабский» вид деятельности.

⁵² См. выше, прим. 33.

⁵³ Lys., IV, 1. См. Лисий, Речи, перевод, статьи и комментарии С. И. Соболевского. М.—Л., 1933, стр. 76.

⁵⁴ См. Ленцман, О древнегреческих терминах..., стр. 64 сл.

⁵⁵ См. Ленцман, О древнегреческих терминах..., стр. 67: «Эти рабы, занимавшиеся в основном ремесленным трудом, были типичными *instrumenta vocalia* и потому вполне точно назывались именно андраподами, а не ойкетами или дулами». В данном случае представляется возможным, что и большая часть *χειροτέχνα* принадлежали хоре — в том широком смысле, что они работали в эргастериях у серебряных рудников. Зато в значении сельского инвентаря священной земли можно, думается, понимать *ἀνδράποδα ἀφιστάμενα* в Thuc., I, 139, 2, (ср. Ленцман, там же, стр. 69).

ского ученого прошлого века, глагол *κατασκευομαι* и родственное ему существительное *κατασκευή* часто обозначали прежде всего именно имущество в виде рабов, которое, особенно в хоре, представляло собой легкую добычу для вторгавшихся врагов⁵⁶.

Только в одном месте у Демосфена мы встречаем термин *ἀνδράποδον* в сочетании со скотом в такого же рода контексте, т. е. где речь идет об обычном снабжении хоры. В речи «О венке» оратор упоминает о том, как македонские посланники уговаривали фиванцев соединиться с Филиппом в походе на Афины, указывая на *τὰ κ τῆς Ἀττικῆς βοσκήματα καὶ ἀνδράποδα καὶ τᾶλλ' ἀγαθὰ* «скот и рабов и прочее добро», которые таким путем попадут (*ἤξοντα*) из Аттики в Беотию (XVIII, 213).

* * *

Остается еще одна сторона разбираемого термина, на которой хочется остановиться. Это — применение слова в презрительном смысле. В упомянутом мной еще в предыдущей статье⁵⁷ «соматическом» определении рабства (XXIV, 166 сл.; ср. XXII, 54 сл.) Демосфен употребляет один за другим все три общих термина для рабов: *οἰκέτης*, *δοῦλος*, *ἀνδράποδον*. Привожу это место теперь полностью: «Почему, о подлейшие из всех на свете, ... вы сковывали и оскорбляли граждан и несчастных метеков, с которыми вы более оскорбительно обращались, чем со своими собственными рабами (*τοῖς οἰκέταις τοῖς ὑμετέροις αὐτῶν*)? На самом деле, если вы, дикасты, подумаете о том, каково величайшее различие между положением раба (*δοῦλον*) и свободного, то вы увидите его в том, что за любые проступки рабы (*δοῦλοις*) отвечают своими телами, свободные же подлежат телесному наказанию лишь при крайних обстоятельствах. Они же (Тимократ и его коллеги), наоборот, нанесли наказание на тела (виновных), как будто это были рабы» — *οἱ δὲ τοῦναντίον εἰς τὰ σώματα, ὡσπερ ἀνδραπόδοις, ἐποιήσαντο τὰς τιμωρίας*.

На первый взгляд это место как будто поддерживает тезис Я. А. Ленцмана о групповом назначении терминов *οἰκέτης*, *ἀνδράποδον*: ведь говорится, что к гражданам и метекам относились хуже, чем к «домашним» рабам, а именно так же, как относятся к «андраподам», т. е., по мнению Я. А. Ленцмана, к *instrumenta vocalia*, рабам-производителям. Но из проделанного выше анализа этого последнего термина ясно, что в разбираемых документах под ним не подразумевались рабы-производители как таковые. Значит, надо поискать другое объяснение применению термина *ἀνδράποδον* здесь. Что касается *οἰκέτης*, то его применение в данном отрывке прекрасно согласуется с обычным употреблением слова *οἰκέτης* в демосфеновских речах, как конкретизирующего термина. Имеются в виду, очевидно, реально существующие рабы, люди, прикрепленные к «ойкосу» Тимократа и членов его шайки.

В объяснение применения здесь слова *ἀνδράποδον* можно было бы, конечно, ограничиться ссылкой на моменты чисто стилистического харак-

⁵⁶ См. H. Dale, *The History of the Peloponnesian War by Thucydides*, N. Y., 1860, стр. 389 (комментарии к переводу Th u s., VI, 17,3). Дейль ссылается и на Xen., *Vect.*, IV, 11 и 41. Но IV, 22 представляет собой, пожалуй, еще лучший пример; ср. IV, 1 и 5. По мнению Уэстерманна (ук. соч., стр. 8) в имуществе Теофонта, стоимостью 2,5 таланта (Isae., XI, 41, 45), которое включало в себя шестьдесят овец и сотню коз, не было рабов. Как оговаривает в примечании Уэстерманн (там же, прим. 52), он предполагает («I am assuming»), что упоминание Исеем об «остальном оборудовании» (*τὴν ἄλλην κατασκευήν*) не относится к рабам. В свете острого наблюдения Дейля можно сказать, что такого рода презумпция не лишена риска. См. также выше, прим. 13.

⁵⁷ См. ВДИ, 1956, № 3, стр. 129.

тера, т. е. можно предполагать, что Демосфен применил три различных термина для обозначения рабов в данном месте лишь в целях избежания звукового однообразия. Но есть и другой фактор, хотя также риторического характера, связанный с определенным свойством термина, которое можно заметить и в других частях Демосфеновского корпуса.

Речь идет о презрительном оттенке, иногда дающем себя чувствовать в применении слова *ἀνδράποδος* (может быть, не лишне будет отметить, что только при наличии этого оттенка данный термин встречается в наших документах в единственном числе). В третьей «Филиппике» Демосфен раздражается резкими словами по адресу македонского царя. Он отмечает, что эллины много страдали от афинян и от лакедемонян — но все-таки это были обиды, нанесенные законными сыновьями Эллады, но не раб или подкидыш распоряжались ею. Однако Филипп, «это не только не эллин, . . . но и не варвар из такой страны, о которой прилично упомянуть, а чума-македонец (*ὀλέθρου Μακεδόνος*) оттуда, откуда раньше даже нельзя было купить ни одного доброкачественного раба» — *ὄθεν οὐδ' ἀνδράποδον σπουδαῖον οὐδὲν ἦν πρότερον πριάσθαι* (IX, 31). Контекст купли продажи, правда, сам по себе как бы просит применения термина *ἀνδράποδος*. Однако чувствуется здесь также беспредельное презрение оратора к Филиппу, поставленному наравне с варварским импортом.

Более ясный пример применения термина *ἀνδράποδος* в качестве презрительного эпитета находится в XLV речи. В этой речи Аполлодор то и дело напоминает судьям о прежнем рабском положении своего противника Формиона, о том времени, когда Формион был всего лишь рыночным товаром — *ἡνίκ' ὤνιος ἦν* (§ 71; ср. § 27, 33, 35, 39, 74, 75, 76, 82, 83, 84, 85, 86). Здесь звучит и этнический момент: «О земля и боги, — восклицает Аполлодор, — какой это ужас, что он позволяет жить в крайней нужде тем, кто сделал из него эллина вместо варвара, знатного вместо раба...» — *τοὺς Ἕλληνα μὲν ἀντὶ βαρβάρου ποιήσαντες, γινώριμον δ' ἀντ' ἀνδραπόδου* (XLV, 73; ср. § 81: *βάρβαρος γὰρ ἑωνήθης*).

Применение слова *ἀνδράποδος* в презрительном смысле встречается не раз и у Платона⁵⁸. Но как у него, так и у Аристотеля и Ксенофонта сам этот термин и производное из него прилагательное *ἀνδραποδώδης* иногда применяются с определенным социально-политическим оттенком, который является совершенно чуждым общественной атмосфере афинского дикастерия и вообще демократической среде. Нигде в Демосфеновском корпусе слово *ἀνδράποδος* не применяется с тем презрительным оттенком в обозначении свободных тружеников, торговцев и тому подобных представителей демоса, как это бывает в произведениях указанных антидемократично настроенных авторов. Что касается слова *ἀνδραποδώδης*, оно даже ни разу не встречается в Демосфеновском корпусе, и это, на мой взгляд, не случайно⁵⁹. Ибо эпитет «андроподское», применяемый в антидемократической литературе, иногда носит почти партийный характер. «Οἱ πολλοί, — пишет Аристотель, — своей склонностью к скотскому образу жизни показывают свою сугубо андроподскую натуру» — *οἱ μὲν οὖν πολλοὶ παντελῶς ἀνδραποδώδεις φαίνονται βοσκημάτων βίον προαιρούμενοι* (Eth. Nic., I, 5, 3). В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонт прямо определяет понятие «андроподское» как качество, свойственное массе граж-

⁵⁸ См., например, P l., Gorg., 483ab. Ср. Phaedr., 258e—259a, Theaet., 175 d.

⁵⁹ Заслуживает внимания то, что Эсхин бросает этот эпитет Демосфену. См. Aeschin., II, 79: «Ты, сам будучи андроподским типом и чуть ли не заклеянным дезертиром, говоришь, что я стал перебежчиком».

данского населения в противоположность избранным *καλοὶ ἀγαθοὶ* (см. Мет., IV, 2, 22; ср. I, 1, 16).

В демосфеновских речах в презрительном оттенке, иногда появляющемся при употреблении термина *ἀνδράποδος*, отсутствуют, разумеется, нападки на демос. Зато, как уже было отмечено в связи с Филиппом и Формионом, этот термин ассоциируется с намеком на обычное неэллинское, «варварское» происхождение рабов, что вполне подобает складу мысли представителя античного демоса. Вспоминается при этом место в «Ахарнянах» Аристофана, где Дикеополь угрожает допросом под пыткой посланнику персидского царя, исходя из предпосылки, что он варвар. Так как раб-товар и раб-варвар прямым образом взаимосвязанные понятия, слово *ἀνδράποδος*, естественно, может сочетать в себе оба эти предельно унижительных качества. Назвать человека «андраподом» это, смотря по контексту, означает — или упомянуть о нем просто как об инвентарном предмете, как о воплощении известного количества денежного богатства, или же намекнуть на производное из этого свойство, на то, что он не подлинный человек, а какой-то импортный товар неэллинского происхождения.

Возвращаясь теперь к «соматическому» определению рабства у Демосфена (XXIV, 167), мне кажется, что тут мы имеем дело как раз с применением термина *ἀνδράποδος* в презрительном смысле в целях достижения определенного риторического эффекта. Суть обвинения Демосфена против насильственной расправы Тимократа и его коллег с государственными должниками состоит в том, что они, обращаясь со свободными так, как можно было обращаться только с рабами, посягнули на основу всякого рабовладельческого коллектива. Давая простор выражению своего негодования, оратор постепенно сгущает краски. Посмотрите, он восклицает, как поступили эти негодяи! Они проявляют большее уважение даже к собственным ойкетам, чем они проявляли к свободным братьям. Подвергая телесному оскорблению свободных людей, они подрывали общественные устои, они стирали грань между свободным и рабом. Ибо так обращаются не с полноценными людьми, а с «андраподами» (ср. XXII, 68).

* * *

В заключение хочу указать на связь между ставшей заметной к IV в. до н. э. специализацией одного термина в обозначении раба, как воплощения известной стоимды, и упрочившейся к тому же времени эксплуатацией рабского труда в ремесленном и прочем производстве.

Данная связь представляется мне не непосредственной, а косвенной: применение рабского труда в производстве, по-видимому, не привело к выделению в языке одного термина для обозначения рабов, занятых в производстве. Это частично объясняется тем, что развитию языка в таком направлении не благоприятствовало идейное развитие, на которое в значительной степени влияло доминирующее положение не производственного, а торгово-ростовщического капитала. Но вместе с тем эти два явления, языковое и экономическое, несомненно, на мой взгляд, были связаны друг с другом посредством развития рынка рабов.

Развитие работорговли являлось как необходимым условием для установления рабовладельческого способа производства, так и результатом его установления. С конца V в. одной из наиболее существенных функций работорговли стало снабжение необходимой «варварской» силой мастерских, принадлежащих таким деятелям, как Лисий и Демосфен, обеспечение приростом капитала «скромных» ростовщиков типа Никобула из XXXVII речи Демосфена, приспособление к выжиманию из рудников

таких огромных прибылей, какие засвидетельствованы в одной речи Гиперида⁶⁰.

Поэтому не случайно, надо полагать, что из 44 случаев применения слова ἀνδράποδον в Демосфеновском корпусе 35 касаются рабов, занятых в производстве, чаще всего (25 случаев) в ремесле, причем только в одном случае можно сказать с полной уверенностью, что данный термин применен для обозначения домашнего слуги. Раб-производитель, видимо, стал уже самым выгодным видом собственности на рабов⁶¹.

⁶⁰ H u r e r i d., pro Euxinipp., 35: из одного μέταλλον выжималось 300 талантов в течение трех лет. О «скромности» Никобула см. Dem., XXXVII, 54.

⁶¹ Однако в тех сферах, где не полновластен шум судебных споров о том, кого надул в процессе выжимания или распределения прибыли, проявляются иные взгляды на истинную пользу богатства, в том числе и собственности на рабов: «Богатство состоит из множества монет, из собственности на землю... и еще из собственности на мебель и скот и рабов (ἀνδράποδων)... Все эти виды богатства являются... и достойными свободного человека и выгодными. Более выгодной является прибыльная собственность (τὰ κέρπια), но более достойна свободного человека та, целью которой является наслаждение (τὰ πρὸς ἀπόλαυσιν)» — Arist., Rhet., I, 5, 7.

